

О себе

Я – Герингас Татьяна, урождённая Шац.

Родилась в 1945 году, в Клину, Московская область.

Папа – пианист, мама – старший кассир Большого театра.

В 1952 году поступила в общеобразовательную школу и параллельно в музыкальную.

В 1964 году – поступила в консерваторию, в класс

Генриха Нейгауза, после его смерти – Станислава Нейгауза.

В 1967 году вышла замуж за Давида Герингаса.

В 1971 году закончила консерваторию.

В 1971 году 2-го марта родился Сашенька.

В 1975 году – эмиграция.

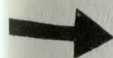

С 1976 года – в Гамбурге.

С 2000 года – в Берлине.

В 2004 году – женитьба Саши и Катарины.

В 2006 году – рождение внучки Полечки (Polly-Josephine).

В 2008 году – рождение внучки Леечки (Lea-Matilda).

С 2011 года дети в Америке.

X

Молодой лейтенант просит Додика открыть дипломатический чемоданчик, в котором сверху лежит долгоиграющая пластинка с его портретом в полный формат, спрашивает утверждающе «Это вы?!» и предлагает следовать за ним.

Длинный коридор приводит нас к выходу в самолёт. Симпатичный лейтенант пожимает нам руки и... желает счастливого пути...

А за два часа до этого, мы на аэродроме: мама, папа, сестра, загримированные друзья. Страшное напряжение, время подходит, разыгрывается драма: мама с рыданиями бросается на меня, потом на Сашу и Додика – прощаемся навсегда.

С подкошенными ногами и оборачиваясь, уходим в тёмное отверстие, откуда возврата нет...

А за несколько дней до отъезда – суматоха, сборы, приезд и приход родственников, друзей и знакомых в нашу малюсенькую двухкомнатную квартирку на окраине Москвы, куда нас выселили из нашей коммуналки за два месяца до отъезда (о коммуналке расскажу позже) – все готовят, едят, разговаривают, перебивая друг друга, об эмиграции, кто кому что рассказал и посоветовал. До того увлекались, что забывали, зачем пришли.

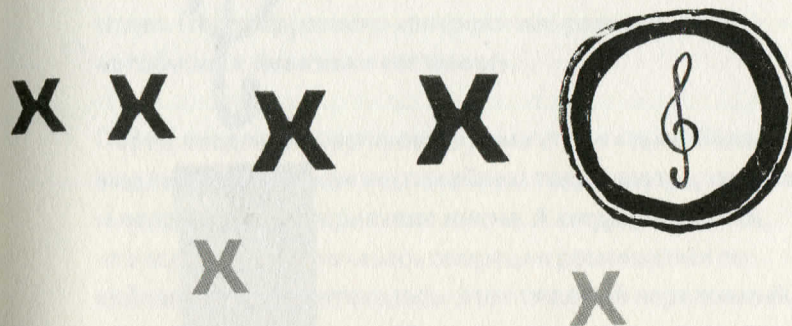
Мои родители воспринимали наше решение болезненно: папа не хотел писать разрешение на наш выезд – эта процедура была тогда необходима. Он буквально сунул мне в руку подписанный им листок, буркнул: «Пишите, что хотите».

Своим отъездом мы лишали его ещё одной заграничной поездки (с ансамблем в Чехословакию), которая так или иначе была бы последней перед его пенсией. Мама же страдала от обид, наносимых ей бабками-коллегам по работе: «Ну что? Уезжают в Израиль? Родину свою предадут?» В спор вступать было бессмысленно, да и небезопасно.

Родители Додика вели себя спокойнее, они мечтали отправить всех своих детей вон из этой страны, в которой их семья так натерпелась от антисемитизма. Впоследствии все дети, да и они сами эмигрировали, разлетевшись по белу свету.

На полу стоят семь чемоданов, а в них – вся наша жизнь, её нужно везти в таможню для декларации. За день до отъезда Додик со своим папой поехали в аэропорт, отдали, как положено, чемоданы на проверку, и стали

свидетелями безобразнейших сцен, как таможенники обращались с вещами отъезжающих и с ними самими: вдруг летели на пол бинокль или подзорная труба – «извините, упало!» – вещи, разрешённые властями для вывоза. Или выхватывали у детей из рук мягкие игрушки и вспарывали их у них на глазах, в поисках драгоценностей или чтобы просто поиздеваться.

Додик, вернувшись в шоке, заявил, что, если завтра при отлёте с Сашиной Хрюшкой поступят так же, – он их всех убьёт!

И вот мы наконец в битком набитом самолёте: летим, голова горячая, напряжение неопишное, не разговариваем. Что нас ждёт? Ведь едем в никуда!

Сашенька смотрит в окно и пока занят Хрюшкой, но ведь придёт вечер, и он спросит: «А где бабушка?» Ведь он вырос с ней, а не с нами – мы уезжали на гастроли, целовали его в щёчку – «Пока, Сашенька!», возвращались домой, опять целовали: «Привет, Сашенька!» – вот такими

были наши взаимоотношения. И задал он вопрос, и расплакался, и мы успокаивали его как могли, нервно, неумело и нетерпеливо.

Придётся многому научиться, оставшись втроём. Саше четыре года, и это только первое наше с ним знакомство.

Летим. Почему именно в Вену? Нам было известно, что там происходило разделение публики на два «лагеря» – Израиль и Америку. Мы сразу же пошли в американский отсек. После короткого контроля нас разместили по автобусам и повезли в гостиницу.

Перед входом обшарпанного дома стоял «вышибала», медленно пропуская беспокойную толпу внутрь, громко и неправильно выкрикивая имена. А когда убедились, что все на месте, началась операция размещения по койкам, которая затянулась. Этот тяжёлый переломный день подходил к концу. Мы нанервничались, утомились и проголодались. Вышли, озираясь, на улицу, нашли забегаловку – наш первый венский «ресторан», заказали самое дешёвое – венские сосиски (хорошо ещё, что Додик смог объясниться по-немецки), поели, но денег, данных нам организацией помощи на первое время, не хватило, чтобы расплатиться и официант презрительно простил нам недостачу. Я была потеряна.

Стало ясно: надо вживаться и привыкать ко всему новому – языку, людям, их поведению. На каждом шагу неожиданности, задачи, принятие решений. Но одно уже принято – оно неоспоримо и безвозвратно. Мы здесь и у нас есть и будут силы начать этот сложный, нам неизвестный, как на Луну, путь.

В Вене мы пробыли десять дней. Наша гостиница стояла на окраине города возле великолепного парка, по тропинкам которого, среди вековых деревьев и цветочных кустов, разгуливали павлины, гордо и надменно помахивающие раскрытыми хвостами-веерами.

Много времени уходило на поездки в учреждения, ожидания в очередях, бесконечные вопросы и вопросы по оформлению очередной бумажки, подтверждающей твою личность. При выезде из России мы были лишены советского гражданства: противное чувство – быть никем!

Однажды опять пошли в парк смотреть на чудесных павлинов, и вдруг издали по тропинке приближается фигура в тёмном длинном пальто, с наклонённой на бок головой и руками за спиной. Фигура приближается, мы прячемся за кусты, – это Святослав Рихтер! Сегодня вечером у него концерт в Вене – первый его концерт, на который мы не сможем попасть, – и он совершает свою обычную прогулку.

Жизнь в гостинице протекала уныло, общение с жильцами относительное, на уровне: кто что продал и за сколько. Одним из светлейших событий стал приезд Раду Лупу с женой Лизой. Я училась вместе с Раду у Нейгаузов, а Додик с Лизой у Ростроповича. Мы ещё в Москве договорились встретиться на Западе, и вот они здесь! На такси мы вместе поехали в увеселительный парк «Пратер», и по пути Раду с Сашей перепели все увертюры Россини, а в парке перестреляли на всех аттракционах.

И вот настал день – едем в Италию: следующий пункт на пути к приближающейся мечте, – а мечта одна: поскорее получить визу и... в Америку!

Садимся в плацкартный вагон; «сидячка», но мы в купе одни, с Сашей, виолончелью и семью чемоданами. К вечеру Сашенька устал и заснул у нас на коленях, а мы настроились на бессонную ночь. Не знаю, сколько прошло времени, но, вдруг показался свет – это солнце восходило из-за огромной серо-зелёной стены, – это Альпы, которые мы видим впервые в жизни! Поезд кружил среди гор, ручьёв и замков, скрываясь в ущельях, потом снова и снова вырываясь на свет. А солнце восходило всё выше и выше; мы стояли у окна, зачарованные гигантской природой и гаммой разнообразия красок. Сашенька проснулся и, открыв рот, долго простоял с нами у окна.

Но вдруг, после обеда, около пяти часов поезд останавливается где-то посреди поля, нас всех выкидывают, чемоданы летят из окон – так надо, говорят, в целях безопасности... Опять рассаживают по автобусам – едем в Рим! (Осуществление вещей мечты!)

Гостиница ужасающая: тесно, душно, смрад, окна на улицу, а там – мотороллеров тьма, не заснуть. Хозяйка противная – ругается и есть не даёт. Чувство подавленности, и постоянный вопрос: «А правильно ли это?.. А не лучше бы было?..» Я борюсь с депрессией, а Додик и Сашенька – два оптимиста: у одного цель – поскорее встать на ноги, начать дышать, действовать, а у другого – мороженое.

В это же время в той же гостинице мы подружались с замечательными людьми, с которыми вместе эмигрировали. Среди них были и врачи, и музыканты, и адвокаты. Мы поддерживали друг друга и очень надеялись вместе оказаться в Америке, но судьба всё повернула по-своему – мы остались в Европе (об этом позже).